

Юрий В. Крамар

Восточноевропейский национальный университет имени
Леси Украинки в Луцке*

Политика Польского государства по отношению к Православной церкви на Волыни в 1921-1939 гг.

Одним из наиболее сложных вопросов внутренней политики межвоенной Польши, от толерантного решения которого зависела внутренняя стабильность и спокойствие в государстве была проблема неурегулированного положения Православной церкви. Ведь на основании официальных данных известно, что в границах возрожденного Польского государства оказалось около 3,8 млн. православных верующих¹.

Особенно остро проблема межконфессиональных отношений стояла в восточных регионах Речи Посполитой, в частности, в Волынском воеводстве, где большинство населения составляли неполяки. По состоянию на 1921 г. на территории воеводства проживало 1 066 842 жителей православного вероисповедания². К тому же Волынская епархия была самой большой в составе Православной церкви в Польше. В 1925 г. она насчитывала 760 приходов, преимущественно украинских по своему национальному составу (для сравнения: четыре остальных православных епархий в Польше - Полесская,

*укр. Юрій В. Крамар, Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки.

¹ І. Власовський, *Нарис історії Української Православної Церкви*. Т. 4 ХХ ст. Ч. 2.: репринтне видання 1966 р., Київ 1998, с. 6.

² *Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Wołyńskie*, t. XXIII, Warszawa 1926, s. 40.

Виленская, Гродненская и Варшавско-Холмская вместе взятые насчитывали 651 приход)³.

После провозглашения польской государственности правовое положение Православной церкви оставалось неурегулированным. В первые послевоенные годы Православная церковь в Польше, как и раньше, подчинялась Московскому патриархату. Почти вся ее иерархия оставалась русской. Высшее духовенство пыталось сохранить церковно-славянский язык в богослужениях и синодально-консисториальное устройство церкви. Промосковская позиция подавляющего большинства православного духовенства противоречила интересам польской власти, которая намеревалась использовать церковь как один из инструментов своей интеграционной политики на *Восточных Кресах*.

Концепция польской государственной политики по отношению к Православной церкви формировалась на протяжении всего межвоенного двадцатилетия и прошла определенную эволюцию. В период правления национал-демократов (1918-1926 гг.) политика государственной власти относительно православных не была четко определена, хотя большое влияние на нее оказывала концепция национальной ассимиляции непольских народов. Польская национал-демократия провозглашала приоритет интересов народа по отношению к государству и заявляла, что все непольские нации, в том числе украинцы, должны быть подчинены политической, культурной и религиозной доминации поляков⁴. По мнению эндеков, одним из средств государственной и национальной интеграции вновьприсоединенных земель могло стать их конфессиональное (вероисповедное) единство, которое должно было осуществляться путем латинизации *Восточных*

³ I. Власовский, *op.cit.*, с. 8.

⁴ J. Bartoszewicz, *Znaczenie polityczne kresów wschodnich dla Polski*, Warszawa 1924. s. 32.

Кресов⁵. Однако, опыт первой половины 1920-х гг. показал, что концепция ликвидации православия не имела шансов на успех по причине огромного количества последователей Православной церкви в Польше. К тому же правительство, исполняя взятые на себя международные обязательства, гарантировало религиозные права нацменьшинствам. Документ *Об охране национальных меньшинств*, подписанный в Версале 28 июня в 1919 г., а также статьи Рижского договора в 1921 г. декларировали, среди других, религиозные права украинцев, которые проживали в Польше⁶. Эти гарантии впоследствии были подтверждены Конституцией 1921 г.⁷

Межконфессиональная ситуация на землях, населенных украинцами обострилась в начале 1920-х годов в связи с распространением здесь массового движения за украинизацию Православной церкви. Наиболее активно процессы национального церковного возрождения проходили на Волыни. Причины появления украинского церковного движения были обусловлены несколькими факторами. Во первых, украинское церковное движение стало своего рода реакцией на русификаторскую политику Русской православной церкви, проводимую по отношению к украинцам на протяжении многих лет. Во-вторых, к борьбе за предоставление Православной церкви в Польше национального характера украинцев подтолкнул исторический опыт межконфессиональных украинско-польских отношений периода Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.). И в-третьих, существовала прямая связь между процессами церковного возрождения и постепенным ростом национального самосознания украинцев. Процесс

⁵ Н. Г. Стоколос, *Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців*, „Український історичний журнал” 2005, № 5, с. 61.

⁶ *Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą podpisany w Rydze dnia 18 marca 1921 r.*, „Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej” 1921, nr 49, poz.300, s. 827.

⁷ *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej*, Lwów-Warszawa 1927, s. 113–119.

пробуждения национального самосознания украинцев Волини значительно ускорился в период после Первой мировой войны и в годы национально-освободительной борьбы украинцев 1917–1921 гг.

Модель, которую пытались реализовать украинские общественные и церковные деятели Волини заключалась в том, что церковь должна стать по своему национальному характеру украинской, независимой от государства. К тому же, церковь должна строиться на принципах соборности, широкого участия прихожан в управлении церковными делами⁸. Один из идеологов этой концепции, лидер украинского церковного движения на Волини в 1920-х гг. Арсен Ричинский считал, что украинцы, составляющее большинство православных верующих в Польше должны иметь решающий голос в решении церковных вопросов не только в украинских епархиях, но и в польской Православной церкви в целом⁹.

Событием, которое положило начало процессам украинизации Церкви стал Волинский епархиальный съезд духовенства и верных, состоявшийся 3–10 октября в 1921 г. в Почаеве. Одной из главных проблем, вынесенных на обсуждение съезда был вопрос украинизации богослужений. Несмотря на протесты представителей промосковского духовенства, съезд принял резолюцию, которая разрешала употребление украинского языка во время богослужений:

Живая вера требует и живой веры во время молитвы и Службы Божьей, поэтому надо перейти от церковнославянского языка к народному, живому украинскому языку¹⁰.

⁸ Н. Г. Стоколос, *op.cit.*, с. 62.

⁹ А. Ричинський, *Сучасний стан церковно-релігійного життя української людності в Польщі. Доклад виголошений на українському православно-церковному з'їзді в Луцьку 5–6 червня 1927 р.*, Луцьк 1927, с. 3–4.

¹⁰ І. Власовський, *op.cit.*, с. 16.

Предполагалось, что такой переход должен происходить постепенно, по мере того, как будут переводиться на украинский язык необходимые богословские книги. Кроме этого, съезд принял и ряд других постановлений, в которых выдвигались основные требования национально-церковного движения: возобновление деятельности парафий и монастырей, органов церковного самоуправления, возрождение Луцкой епископской кафедры, издание епархиального журнала на украинском языке¹¹.

Решения почаевского съезда дали толчок дальнейшему развитию национально-церковного движения на Волыни. С ним вынуждена была теперь считаться и высшая церковная иерархия. Под давлением обстоятельств руководство Православной церкви пошло на определенные уступки в вопросе украинизации церкви. На заседании Собора епископов в Варшаве 14 января в 1922 г. было принято решение об издании в Кременце епархиального журнала *Православная Волынь* на украинском языке, а также об открытии при Волынской епархии кафедры Луцкого викариального епископа¹². Священный синод своими постановлениями от 16 июня в 1922 г. и 3 сентября в 1924 г. разрешил: 1. украинское произношение литургических старославянских текстов; 2. провозглашение проповедей на украинском языке; 3. обучение детей на украинском языке; 4. издание в синодальной типографии журнала *Духовна бесіда*¹³.

Однако, принятые Синодом постановления вводились в жизнь достаточно медленно, а иногда просто игнорировались частью православного духовенства, церковными иерархами, которые пытались сохранить *русский* характер церкви. В этих условиях польским властям приходилось лавировать между нарастающим украинским церковным движением и

¹¹ Ibidem, с. 17.

¹² Ibidem, с. 22.

¹³ Ibidem, с. 22–27.

промосковской иерархией Церкви.

Следует отметить, что в первые годы независимости польское государство относительно спокойно относилось к украинскому национально-церковному движению. Украинский исследователь истории Православной церкви в межвоенный период В. Борщевич считает, что либеральная позиция правительства относительно процессов национально-культурного возрождения имела свое объяснение. Допуская ограниченное развитие украинского церковного движения власть

отвлекала внимание украинцев от политической борьбы, получала возможность контролировать пророссийскую верхушку Церкви, а также изолировала Волинь от более национально-сознательной, греко-католической Галиции¹⁴.

В то же время, польское правительство предпринимало шаги, направленные на усиление своего влияния на Православную церковь в Польше. По его инициативе 30 января в 1922 г. был выдан документ под названием

Временные правила об отношении Правительства Речи Посполитой к Православной церкви в Польше.

Этот документ регулировал правовой статус Православной церкви на протяжении всего межвоенного периода. Польская государственная политика по отношению к православным стремилась к установлению контроля над всей внутрицерковной жизнью на *Восточных Кресах*. Такой вывод можно сделать на основе анализа некоторых положений *Временных правил*. Так правительство оставляло за собой право

¹⁴ В. Борщевич, *Українське церковне відродження на Волині (20–40-ві рр. ХХ ст.)*, Луцьк 2000, с. 44.

утверждать назначение или смещение с кафедр православного духовенства. Кандидатуры на высшие церковные должности должны были согласовываться с государственными органами. Один из пунктов *Правил* содержал положение, которое власть нередко использовала против украинских священников Волыни. В частности, те пастыри, которые утратили гражданство или были заподозрены в поступках, тянущих за собой судебную ответственность должны быть по требованию министра вероисповеданий и народного образования отстранены церковной властью от исполнения своих обязанностей¹⁵. Для открытия новых приходов и филиалов обязательным было согласие министра¹⁶.

Ряд других правительственных и церковных документов, принятых в 1920–1930-х гг. конкретизировали правовое положение Православной церкви в Польше. В частности, Церковь должна управляться синодом в составе епископов во главе с экзархом-митрополитом. Устанавливалось, что все епископы должны были приносить присягу на верность государству; назначения, а также смещения священников из приходов согласовывалось с соответствующим воеводой; на епископские кафедры могли назначаться граждане Польши, которые получили теологическое образование в Виленской или Кременецкой духовных семинариях, государственном православном богословском лицее или православном богословском факультете Варшавского университета; государственная власть обязывалась содержать учебные заведения, в которых получали образование кандидаты на духовный чин¹⁷.

Действенным средством давления на церковь и ее

¹⁵ *Правовое положение Святой Автокефальной Православной Церкви в Польше. Доклад I-му Поместному Собору Православной Церкви в Польше*, Варшава 1931, с. 38.

¹⁶ *Ibidem*, с. 39.

¹⁷ Н. Г. Стоколос, *op.cit.*, с. 63.

служителей со стороны государственной власти стала процедура юридического получения польского гражданства священниками. Осуществление душпастьерских обязанностей напрямую зависило от получения гражданства¹⁸. В тайном письме Министерства внутренних дел Польши на имя Волынского воеводы от 30 июня в 1923 г. указывалось, что предоставление гражданства должно ставиться в прямую зависимость от гражданской позиции духовенства и служить своего рода вознаграждением за работу по укреплению государства и распространению автокефалии¹⁹. В июле того же года Волынское воеводское управление направило уездным старостам секретный циркуляр, в котором оговаривались условия предоставления гражданства православному духовенству. Оно предоставлялось в случае: а) лояльного отношения к Польскому государству; б) признания автокефалии Православной церкви в Польше²⁰.

Принятие правительством *Временных инструкций*, а также провозглашение в сентябре 1925 г. автокефалии Православной церкви в Польше создавали благоприятные условия для дерусификации всей церковной организации. Однако, этот процесс наталкивался на большие трудности. Возрождение украинского православия на Волыни, в целом негативно воспринималось епископатом Православной церкви в Польше. Имея в своих руках рычаги церковной власти, пророссийские элементы нередко использовали такие средства как давление, шантаж, репрессии по отношению к тем священникам и прихожанам, которые позитивно воспринимали автокефалию и поддерживали процессы национально-церковного возрождения. Доходило даже до физического уничтожения оппонентов. Так, 8 февраля 1923 г. русским шовинистом-фанатиком, архимандритом Смарагдом

¹⁸ В. Борщевич, *op. cit.*, с. 55.

¹⁹ Государственный архив Волынской области (далее: ГАВО), ф. 46, оп. 9., д. 98, л. 1.

²⁰ *Ibidem*, л. 24.

выстрелом из пистолета был убит митрополит Варшавский и всей Польши Юрий (Ярошевский)²¹. Новым Варшавским митрополитом был избран Волинский архиепископ Дионисий (Валединский).

Убийство митрополита Юрия негативно повлияло на церковную жизнь Волыни. Новый глава церкви - митрополит Дионисий вынужден был считаться с влиятельным пророссийским духовенством, одновременно находясь под давлением польской власти, которая все более благосклонно относилась к русофильским тенденциям в церкви. Об этом свидетельствует, например, письмо министра вероисповеданий и народного образования на имя волинского воеводы от 23 сентября в 1925 г. В нем отмечалось, что

Органы государственной власти и управления не могут позитивно относиться к процессам украинизации Православной церкви. Украинская религиозная жизнь на Волыни неразрывно связана с ростом национального самосознания [украинцев – Ю.К.]. В итоге это может привести к отделению Православной церкви на Волыни от Православной церкви в Польше, ослабить влияние центральной духовной власти в Варшаве и грозит объединением православных Волыни с национальной киевской церковью [имеется в виду Украинская автокефальная православная церковь во главе с митрополитом В. Лыпкивским - Ю.К.]. Считаю нецелесообразным со стороны Волинского воеводского управления содействовать политике украинизации церкви²².

Исходя из этих слов можно сделать вывод, что органам местной власти на Волыни было поставлено задание придерживаться курса на нейтрализацию украинского национально-церковного движения.

²¹ I. Власовський, op.cit., с. 25.

²² Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (dalej: AAN, MWRiOP), sygn.98, k. 26–27.

Новый этап государственной политики Польши по отношению к Православной церкви начался в 1926 г. после прихода к власти *санации* во главе с Ю. Пилсудским. Краеугольным камнем национальной политики пилсудчиков, которая реализовывалась в 1926–1935 гг. стала программа государственной ассимиляции нацменьшинств. Ее суть заключалась в том, чтобы путем определенных уступок добиться лояльного отношения национальных меньшинств к Польскому государству²³. Новый режим, среди прочего, согласился поддерживать и национально-церковное движение в обмен на политическое сотрудничество с теми же украинцами.

Свидетельством нового подхода правительства к проблеме украинского православия стало проведение в 1927 г. при неофициальной поддержке власти Украинского церковного съезда в Луцке. Инициатива его созыва принадлежала известному общественно-политическому деятелю, одному из лидеров национально-религиозного движения на Волыни А. Ричинскому. Он возглавил организационный комитет по созыву съезда, в который вошли представители от всех уездов Волыни, а также г. Бреста (Полесского воеводства)²⁴. Комитет начал переговоры с митрополитом Дионисием с целью получения разрешения на проведение съезда. 7 февраля в 1927 г. А. Ричинский обратился к митрополиту с просьбой

*об уделении благословения на созыв в г. Луцке Украинского Православного Церковного съезда духовенства и мирян с участием в работе съезда митрополита или кого-нибудь из епископов*²⁵.

²³ W. Kulesza, *Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926–1935*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1985, s. 144.

²⁴ М. Кучерепа, *Український православний церковний з'їзд у Луцьку (1927 р.)*, „Ми-нуле і сучасне Волині та Полісся. Луцька міська громада: історія, традиції, люди: наук. Збірник”, Вип. 26, Луцьк 2007, с. 98.

²⁵ І. Власовський, *op.cit.*, с. 45.

Рассмотрев это обращение, Священный синод 26 февраля в 1927 г. принял постановление, в котором признал намеченный в Луцке Украинский съезд *в церковном отношении нецелесообразным и ненужным* и запретил духовенству под страхом канонической ответственности *присутствовать на этом съезде*²⁶. Прихожанам также не рекомендовалось участвовать в его работе.

Не получив разрешения на проведение съезда от первоиерархов Церкви, организаторы решили обратиться к правительству. Еще в декабре в 1926 г. ряд общественных деятелей Волыни во главе с А. Ричинским направили на имя министра вероисповеданий и народного образования письмо с просьбой разрешить проведение съезда представителей православных украинцев в Луцке. А уже 18 января в 1927 г. правительство сообщило, что не существует никаких препятствий для проведения Церковного съезда в Луцке и разрешило его провести. Этот факт свидетельствовал о большой заинтересованности польских правительственных кругов украинским церковным движением. Функции посредника власти в отношениях с деятелями украинского национально-церковного движения возлагались на волынского воеводу. Тайным распоряжением от 14 мая в 1927 г. министерство внутренних дел поручало воеводе ускорить процесс подготовки и проведения съезда²⁷.

После длительной подготовки съезд состоялся 5-6 июня в 1927 г. в Луцке. На съезд прибыло 565 делегатов от Волыни, Полесья и Холмщины²⁸. Среди собравшихся было восемь украинских послов и сенаторов, представители политических партий и общественных организаций, чиновники воеводской администрации, в частности, вице-воевода Т. Гинтовт-Дзевалтовский. На обсуждение съезда было вынесено

²⁶ Ibidem, с. 46.

²⁷ В. Борщевич, *op.cit.*, с. 60.

²⁸ I. Власовський, *op.cit.*, с. 47.

восемь вопросов, касающихся проблем украинизации и демократизации внутреннего устройства и жизни Православной церкви в Польше. Наиболее оживленная дискуссия развернулась вокруг доклада А. Ричинского *Современное состояние церковно-религиозной жизни украинского народа в Польше*. Докладчик негативно оценил политику церковных властей относительно церковно-религиозных требований украинцев, привел факты упадка религиозной жизни, распространения в церкви политиканства. В своем докладе А. Ричинский отметил, что Варшавская митрополия ведет целенаправленную политику по недопущению украинизации церкви и национального возрождения украинцев, в которой заинтересованы и правящие круги Польши²⁹.

Постановления съезда наметили пути дальнейшей дерусификации Православной церкви в Польше. Синоду Православной церкви были выдвинуты требования: немедленного введения украинского языка как литургического в тех приходах, где верующие изъявили такое желание; возрождения украинских церковно-народных обычаев и обрядов, отмененных российскими властями; перевода церковного делопроизводства с русского языка на украинский; увеличения удельного веса украинцев среди священников, дьяков и регентов церковных хоров. Предполагалось назначить на три епископских кафедры (на землях с преимущественно украинским населением) епископов-украинцев³⁰.

Для выполнения принятых съездом решений был создан Украинский церковный комитет в составе 36 человек, куда вошли представители от всех уездов Волыни, Южного Полесья, Холмщины и Подлясья. Этот комитет организовал ряд уездных и окружных церковно-народных съездов, в частности в городах

²⁹ А. Ричинський, *op.cit.*, с. 3–4.

³⁰ І. Власовський, *op.cit.*, с. 49.

Владимире-Волинском, Бресте и провел опрос относительно языка богослужения в уездах, населенных преимущественно украинцами. Около 572 сельских громад Волини высказались за введение украинского языка в богослужения³¹.

Украинский церковный съезд в Луцке стал важным событием в жизни Православной церкви в Польше. Его решения имели характер петиции к церковным властям. Однако, даже такой протест украинцев встретил решительное осуждение со стороны епископата. Реакцией на съезд со стороны официальных церковных властей стал созванный митрополитом Дионисием 16–17 июня в 1927 г. в Почаеве съезд высшего духовенства и церковных старост, который высказался категорически за сохранение русского характера церкви. Требование выборности духовенства и высшей церковной власти, выдвинутое луцким съездом, епископат расценил как

*неканоническое, которое может толкнуть Православную Церковь в Польше на путь политической борьбы*³².

Съезд также полностью отбросил требование введения украинского языка в богослужения и проповеди³³.

Отношения между епископатом и лидерами украинского национально-церковного движения на Волини достигли критической точки. Их апогеем стал инцидент в Луцком Свято-Троицком соборе 20 июня в 1927 г. Во время богослужения, которое отправлял митрополит Дионисий, хор, невзирая на запрет, начал петь литургию на украинском языке. Когда митрополит приостановил службу и предпринял попытку удалить хор из церкви это вызвало бурное возмущение

³¹ Волинское в-во насчитывало в 1921 г. свыше 100 гмин и 2,5 тысяч сельских громад. Ibidem, с. 55–56.

³² „Воскресное чтение” 1927, №26, с. 290.

³³ *Monografia stosunków wyznaniowych w województwie Wołyńskim*, Łuck 1936, s. 51.

прихожан. В адрес главы церкви из толпы прозвучали неодобрительные возгласы, среди которых преобладали *Прочь с москалями!*³⁴. После этого случая один из волынских приходов обратился к Киевскому митрополиту с просьбой принять его под свою юрисдикцию³⁵.

В условиях острых религиозных дискуссий и конфликтов на Волыни начал свою деятельность в 1928 г. в должности волынского воеводы Генрик Юзевский. Он принадлежал к числу известных *санационных* политиков. Назначение Г. Юзевского на Волынь после прихода к власти *санации* во главе с Ю. Пилсудским свидетельствовало о *новом подходе* правительства к решению украинского вопроса на региональном уровне. Разработанная Г. Юзевским так называемая *волынская программа* должна была реализовываться в духе *польско-украинского сближения* в социально-экономической, политической, культурной сферах. Она предусматривала также проведение реформы *православной церкви на Волыни в направлении возвращения к традициям соборности и изменения русского национального состава епископата*³⁶. Как глава воеводской администрации, Г. Юзевский в первую очередь должен был определить свою позицию в конфликте православных Волыни с высшими церковными иерархами, тем более, что этот конфликт приобретал политическую окраску.

В вопросе взаимоотношений государства с Православной церковью воевода исходил из того, что проблема православия в Польше имела два измерения - внешнее и внутреннее. После провозглашения независимости Польши Православная церковь, формально остававшаяся в подчинении Московского

³⁴ Ibidem.

³⁵ M. Papierzyńska-Turek, *Miedzy tradycją a rzeczywistością: państwo wobec prawosławia: 1918–1939*, Warszawa 1989, s. 219.

³⁶ Sprawozdanie z podróży służbowej do województwa Wołyńskiego. 9 X 1926. – Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego, Dział Rękopisów (dalej: BUW, DR), № akc. 361, s. 4.

патриархата, была, по сути, единственной институцией, где сильным оставалось российское влияние. *Всюду господствовало убеждение, что православие не может существовать без Москвы, не может быть не русским*, - писал в своих воспоминаниях Г. Юзевский³⁷. Решительная позиция Московского патриархата, который длительное время отказывался признать независимость Православной Церкви в Польше под предлогом неканоничности, рассматривалась польским правительством как намерение Москвы сохранить за собой возможность вмешательства во внутренние дела Польского государства³⁸.

Провозглашение автокефалии Православной церкви в Польше в 1925 г. не изменило русского характера церкви. Это обстоятельство могло значительно усложнить отношения Православной церкви с государством и Г. Юзевский считал его угрозой для национальных интересов Польши³⁹. Поэтому он поддерживал требования дерусификации Православной церкви и одновременно был сторонником ее украинизации. По убеждению воеводы *так называемая украинизация церкви [...] является ничем иным, как процессом ее дерусификации*⁴⁰. При этом он исходил из того, что неправильный подход к вопросу украинизации церкви на Волыни (то ли со стороны епископата, то ли со стороны правительства) может привести к усугублению конфликта между православными.

Кроме того, Г. Юзевский настаивал на том, чтобы при оценке конфессиональной ситуации на Волыни учитывалось также обстоятельство, связанное с доктриной так называемой *сокальской границы*. Православную религию воевода рассматривал как важный элемент, который отделял Волынь от Восточной Галиции, основную массу населения которой

³⁷ H. Józewski, *Opowieść o istnieniu*, t. II, cz.4. – „Wołyń”, BUW, DR, № акс. 3189, s. 24.

³⁸ AAN, MWRiOP, sygn. 987, k. 24.

³⁹ „Wołyń – czerwiec 1937”. *Sprawozdanie H. Józewskiego obrazuje sytuację Województwa Wołyńskiego*. – BUW, DR, № акс. 1549, s. 59.

⁴⁰ Ibidem.

составляли греко-католики. Поэтому он считал необходимым пойти навстречу религиозным требованиям волинских украинцев, с тем, чтобы не дать возможности *украинскими националистами из Восточной Галичины* расширить свое влияние на церковную жизнь Волини⁴¹. Скорейшее урегулирование правового статуса Православной церкви в Польше, по мнению воеводы, могло привести к стабилизации не только церковной, но и государственно-политической жизни в стране, особенно на ее восточных землях, и стать одним из главных факторов формирования позитивного отношения украинского православного населения к польской государственности⁴².

Как и многие другие санационные политики, воевода Г. Юзевский был сторонником подчинения Православной церкви политическим интересам государства. Он считал, что православие должно стать *государственно-польской религией*. По мнению воеводы, это даст возможность использовать Православную церковь в Польше как *существенный фактор государственной ассимиляции восточных кресов*⁴³. Кроме того, Г. Юзевский резко критиковал синодально-консисториальное устройство церкви, которое, по его словам, было унаследовано от *императорско-русской церкви* и требовал расширения участия мирян в управлении Православной церковью.

Свою работу в должности волинского воеводы Г. Юзевский начинал в условиях напряженной межконфессиональной ситуации на Волини. Здесь в начале 1930-х гг. церковный конфликт, после некоторого затишья вспыхнул с новой силой. На этот раз в него была вовлечена группа украинских послов и сенаторов из проправительственного *Беспартийного*

⁴¹ Sprawozdanie H. Józewskiego obrazujące sytuację Województwa Wołyńskiego, listopad 1935. – BUW, DR, № акс. 1549, s. 21.

⁴² Ibidem, s. 24.

⁴³ Sprawozdanie z podróży służbowej do województwa Wołyńskiego. 9 X 1926. – BUW, DR, № акс. 361, s. 4.

блока сотрудничества с правительством (далее: «ББ»), которые настойчиво добивались от митрополита Варшавского и Волынского Дионисия уступок в пользу украинцев. Достаточно решительной была их позиция и относительно самого главы Православной церкви. В докладной записке на имя воеводы Г. Юзевского от 1934 г. Украинская парламентская репрезентация (далее: УПР) Волыни заявила о недопустимости дальнейшего пребывания во главе православной иерархии митрополита Дионисия,

который не понимает и не хочет понимать чаяний Православной церкви в Польше и чаяний огромного количества православных верующих⁴⁴.

Активное участие в процессах национально-религиозного возрождения на Волыни принимало Волынское украинское объединение (далее: ВУО) – проправительственная украинская партия, провозгласившая одним из пунктов своей программы украинизацию Православной церкви. Именно ВУО было инициатором создания в ноябре 1931 г. общественно-религиозной организации – Общества сторонников православного образования и защиты традиций православной веры имени Петра Могилы. Усилиями УПР Волыни и членов ВУО возобновило свою деятельность Луцкое Хрестовоздвиженское Братство. Его устав в 1935 году утвердил воевода Г. Юзевский.

Можно предположить, что активная деятельность проправительственной группы послов и сенаторов на церковной ниве инспирировалась администрацией Г. Юзевского, которая пыталась таким образом оказывать давление на высшую иерархию Православной церкви. Ярким свидетельством этого стали события 10 сентября в 1933 г. в Почаеве.

⁴⁴ ААН, МВРiОП, sygn. 1048, к. 5.

Акцией, которая должна была в очередной раз продемонстрировать русский характер православия в Польше, стали торжества, посвященные 10-летию митрополии Дионисия. Они были запланированы на 10 сентября 1933 г. в Почаеве. На празднование прибыли ряд православных епископов, а также ок. 20 тыс. паломников ведь именно в этот день отмечался праздник святого Йова Почаевского.

Г. Юзевский решил перехватить инициативу из рук православных иерархов и действовать по собственному сценарию. Пригласив к себе посла С. Скрипника, воевода обсудил с ним план действий. Он состоял в том, чтобы при содействии группы украинских послов и сенаторов организовать в Почаеве большую украинскую манифестацию⁴⁵.

Во время празднований 10 сентября в 1933 г. в Почаеве на территории Лавры появилось около 50 плакатов с требованиями украинизации Православной церкви, слышны были антироссийские лозунги, звучали украинские песни. На почаевской колокольне взвился желто-голубой флаг. После манифестации состоялось посольское вече, которое по поручению УПР Волыни организовали послы С. Скрипник, М. Бура, М. Тележинский. В нем приняло участие около 12 тыс. человек. В резолюции веча, направленной митрополиту Дионисию, выдвигались требования, которые должны были способствовать дальнейшему возрождению украинского православия на Волыни⁴⁶.

Епископат Православной церкви в Польше выступил с резким осуждением почаевских событий. В письме на имя министра вероисповеданий и народного образования митрополит Дионисий назвал акцию, организованную украинскими послами и сенаторами проявлением безбожия и религиозного анархизма⁴⁷. 9 октября 1933 г. митрополит

⁴⁵ H. Józewski, op.cit., t. II, cz.4, s. 28.

⁴⁶ *Monografia stosunków wyznaniowych...*, s. 55.

⁴⁷ Materiały dotyczące Województwa Wołyńskiego, BUW, DR, № акс.432, teczka 51, s. 2.

Дионисий обратился с воззванием к архиепископам, духовенству, монахам и всем верным Православной церкви в Польше. В нем он в очередной раз подверг осуждению *почаевские разрухи* и в резкой форме заявил, что украинский язык не будет языком богослужений. Литургии и впредь должны отправляться церковно-славянским языком, *который освящен тысячелетней традицией*⁴⁸.

Вскоре после почаевских событий в Ровно состоялось заседание УПР Волыни, посвященное церковным вопросам. Результатом дискуссий стало принятие декларации, в которой утверждалось, что дальнейшее развитие Православной церкви в Польше связано с возрождением церковных традиций давней Речи Посполитой. В воззвании в очередной раз прозвучали требования назначения на волынскую кафедру епископа-украинца и дерусификации православного духовенства на Волыни⁴⁹. С поддержкой этих требований выступил и воевода Г. Юзевский, который заявил, что события в Почаеве должны стать серьезным предостережением как для иерархов Православной церкви, так и для правительства.

Несмотря на эти заявления, митрополит Дионисий и впредь занимал категорическую позицию относительно украинских требований, особенно в вопросе назначения на Волынь управляющего епископа-украинца. Это заставило вмешаться в конфликт правительство. В письме от 22 сентября в 1933 г. на имя митрополита Дионисия министр вероисповеданий и народного образования Я. Еджиевич коснулся вопроса о назначении на волынскую кафедру епископа, который имел бы постоянную резиденцию на Волыни. Министр просил митрополита вынести этот вопрос на обсуждение Синода Православной церкви⁵⁰.

Митрополит Дионисий вынужден был пойти на уступки.

⁴⁸ „Українська Нива” 1933, № 38–39, с. 2.

⁴⁹ *Monografia stosunków wyznaniowych...*, s. 56.

⁵⁰ *Materiały dotyczące...*, s. 1.

Уже к 1 декабря 1933 г. епископат согласовал с правительством кандидатуру на должность Волынского архиепископа. Им стал гродненско-новогрудский епископ Алексей Громадский. В марте в 1934 г. Синод Православной церкви в Польше назначил владыку Алексея правящим волынским архиереем, а его заместителем - архимандрита Поликарпа Сикорского⁵¹.

С этого времени политика украинизации Православной церкви постепенно начала приобретать реальное содержание. Увеличилось количество приходов, в которых богослужение проводилось на украинском языке. По состоянию на 1 ноября в 1935 г. на Волыни насчитывалось 122 таких прихода. Кроме того, в 40 приходах Волынской епархии богослужение отправлялось попеременно украинским и церковно-славянским языком, в 27 приходах оно проводилось на церковно-славянском языке с украинским произношением, в 99 приходах украинский язык использовался частично, а в 129 приходах отдельные богослужения отправлялись на украинском языке (торжественные или поминальные богослужения). Таким образом, процесс украинизации в той или иной степени затронул 417 прихода Волынской епархии⁵².

Своего пика польско-украинское сотрудничество в церковной сфере достигло в середине тридцатых годов. Со второй половины 1930-х гг. политика украинизации Православной церкви стала наталкиваться на препятствия не только со стороны русского православного духовенства, но в первую очередь со стороны поляков. Причиной этого послужили, главным образом, изменения во внутренней политике польского государства после смерти Ю. Пилсудского в 1935. В этот период в национальной политике *санации* наметился резкий поворот вправо, возрождались радикальные концепции решения украинского вопроса. Поэтому в государственной политике доминирующей вновь становится

⁵¹ Ibidem.

⁵² ГАВО, ф. 46, оп. 9, д. 2967, л. 6.

тенденция национальной ассимиляции. В докладной записке министерства обороны на имя министра внутренних дел от 28 августа в 1933 г. указывалось, что украинизация православной церкви на Волыни была не только бессмыслицей, но и крайностью, которая могла иметь очень опасные для Польского государства последствия⁵³. В конце 1935 г. в Варшаве был создан комитет по делам национальностей, который на первом же своем заседании заявил, что

*православная церковь должна стать инструментом распространения польской культуры на восточных кресах, следовательно, необходимо прилагать усилия к ополячиванию православия и прекращению его украинизации*⁵⁴.

Изменения в высших эшелонах власти негативно повлияли на развитие украинского православного движения на Волыни. Проукраинская церковная политика, проводимая местной администрацией не сворачивалась только благодаря позиции воеводы Г. Юзевского. Однако, идея поддержки украинского православия как составной части украинско-польского сотрудничества находила все меньшее количество сторонников, особенно среди поляков. А вскоре начался новый этап в отношениях правительства и Православной церкви. В 1937–1939 гг. правительство приступило к политике полонизации Православной церкви и насильственного обращения волынских украинцев в католическую веру.

Выступая 2 июля 1936 года на совещании высшего командного состава армии министр военных дел Т. Каспжицкий заявил, что

польское государство должно стремиться к подчинению верующих отдельных конфессий ассимиляционным влияниям польской культуры [...], а там, где это возможно,

⁵³ Materiały dotyczące..., s. 3.

⁵⁴ Н. Г. Стоколос, *op.cit.*, с. 66.

*как, например, относительно славянских меньшинств, процессам полонизации церковно-религиозной жизни следует приделить особое внимание*⁵⁵.

Этим выступлением руководителя военного ведомства было положено начало движению православных поляков на территории восточных воеводств Речи Посполитой. Целью акции, которая проводилась при активном участии военных провозглашалось *возвращение к польскости всего, что было польским*. В первую очередь речь шла о возвращении к вере предков тех групп населения, которые по тем или иным причинам утратили свое национальное самосознание и были подвержены украинизации. По подсчетам военных, на Волыни насчитывалось около 400 местностей, где проживало 100-150 тысяч украинизированных поляков⁵⁶. Это, главным образом, потомки давней так называемой загородовой шляхты. В целях координации движения загородовой шляхты 25 февраля 1938 года был создан комитет по делам загородовой шляхты на Востоке Польши. Председателем комитета стал первый вице-министр военных дел, генерал Я. Глуховский.

Другим направлением ревиндикационной кампании на *Восточных Кресах* было насильственное обращение православных украинцев в католическую веру. Для реализации этой программы 11 декабря в 1936 г. в Люблине на базе военно-административного округа, в состав которого входили территории Люблинского и Волынского воеводств создавался Координационный комитет во главе с генералом М. Сморовинским⁵⁷. Его решения были обязательны для органов государственной власти и местного самоуправления.

Ревиндикационная кампания началась на Волыни во второй половине 1937 года и активизировалась в первой

⁵⁵ P. Stawecki, *Następcy Komendanta. Wojsko a polityka wewnętrzna Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935–1939*, Warszawa 1969, s. 169–170.

⁵⁶ AAN, Komitet do spraw Szlachty Zagrodowej na Wschodzie Polski, sygn. 1, k. 8.

⁵⁷ P. Stawecki, *op.cit.*, c. 190.

половине 1938 г. Прежде всего она коснулась приграничных районов воеводства. Методы, которые использовались для перевода православных украинцев в католическую веру, были разнообразными: от административного давления до открытого запугивания и угроз. Во многих случаях крестьянам за смену вероисповедания обещали дополнительный надел земли во время парцеляции, освобождение от налогов, предоставление пособия, ликвидацию долгов. Тот, кто заявлял о своем желании перейти в римо-католическую веру, аргументировал свою позицию тем, что не хочет больше быть *обиженным украинцем*, а хочет стать поляком - человеком, имеющим больше прав.

Следует подчеркнуть, что в акции насильственного обращения православных в католицизм на Вольни активное участие принимали вооруженные подразделения Корпуса охраны приграничья (далее: КОП), а помогала местная администрация (государственная и муниципальная). Часто для того, чтобы заставить православных отречься от своей веры КОП использовал методы морального и материального шантажа. Работник следственного отдела государственной полиции в Кременце, Й. Огородник в своем отчете на имя воеводы Г. Юзевского о ходе ревизии кампании на территории уезда констатировал, что КОП в своей *миссионерской деятельности* применял тактику средневековых рыцарей-крестоносцев⁵⁸. Католическая церковь официально в кампанию не вмешивалась, а начинала действовать лишь тогда, когда группа православных в том или другом населенном пункте *готова была принять католицизм*⁵⁹.

Характерной чертой ревизии движения на Вольни была его массовость: часто осуществлялся перевод в римо-католическую веру целых сел. Особенно большой резонанс во всей Польше вызвали события, связанные с

⁵⁸ ГАВО, ф. 1, оп. 2, д. 7250, л. 55.

⁵⁹ Н. Г. Стоколос, *op.cit.*, с. 67.

насилованным переводом православных украинцев в римокатолическую веру в с. Гриньки Кременецкого уезда.

17 октября в 1937 г. в помещении сельской школы местное подразделение КОПа устроило праздничный вечер, на который была приглашена и украинская молодежь Гринек. На следующий день выяснилось, что во время праздника при загадочных обстоятельствах неизвестные надругались над портретами высших руководителей государства и государственным флагом. В тот же день капрал КОПа арестовал шестерых местных жителей, обвинив их в содеянном преступлении. Местная власть и военные начали добиваться их выселения из Гринек. Одновременно селом распространялись провокационные слухи о том, что в Гриньки прибудет карательная военная экспедиция для осуществления массовой пацификации. После этого состоится выселение из села всех подозреваемых, а также их семей⁶⁰. Постоянный моральный террор по отношению к жителям Гринек привел к тому, что 19 декабря 1937 года около 400 местных православных украинцев обратилось в римокатолическую веру⁶¹.

События в Гриньках вызвали протест со стороны украинских политических сил. Посол от Галиции С. Баран обратился 11 февраля в 1937 г. с запросом в министерство внутренних дел, а также к министру вероисповеданий и народного образования⁶². Он требовал немедленного прекращения террора со стороны КОПа по отношению к православному населению с. Гринек и назначения правительственного расследования этого дела. В своем заявлении от 10 января 1938 г. УПР Волыни требовала нормализовать ситуацию в пограничной зоне и запретить вмешательство в вопросы межконфессиональных отношений

⁶⁰ Центральный государственный исторический архив во Львове (далее: ЦГИАЛ), ф. 344, оп. 1, д. 582, л. 3.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 344, оп. 1, д. 582, л. 4.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 344, оп. 1, д. 582, л. 1–9.

военных и представителей местных органов власти⁶³.

Акция в Гриньках была лишь фрагментом политики укрепления польского присутствия на *кресах*, которая проводилась при негласной поддержке правительства. Однако, она стала завершающим аккордом в конфликте военных с воеводой Г. Юзевским. Возникает вопрос: не были ли события в Гриньках спланированной акцией военных, осуществленной с целью окончательной компрометации воеводы в глазах правительства и Президента? Ведь то, что Г. Юзевский не сразу высказал свое отношение к событиям в Гриньках и не осудил действий КОПа, военные расценили как признак слабости его политических позиций.

На воеводу посыпались новые доносы военных в Варшаву. Лишь после этого Г. Юзевский обратился с жалобой в министерство внутренних дел о злоупотреблении КОПа в пограничных районах воеводства. Воевода обвинил военных в применении террора по отношению к православному населению Волыни.

То, что делалось на Волыни в 1938 году, – писал Г. Юзевский, – становилось нестерпимым. Это было покушение не только на православных, но покушение на Польшу⁶⁴.

Следовательно, воевода открыто выступил против того курса национальной политики, который проводился польским правительством на восточных землях Речи Посполитой, начиная со второй половины 1930-х гг. Вполне очевидно, что в сложившихся обстоятельствах отставка Г. Юзевского становилась лишь вопросом времени. В конечном итоге в апреле в 1938 г. он был отозван с Волыни, получив новое назначение на должность главы воеводской администрации в Лодзи.

⁶³ ГАВО, ф. 60, оп. 1, д. 1, л. 98.

⁶⁴ H. Józewski, *Opowieść o istnieniu*, t. II, cz. 4: „Wołyń”, s. 47.

Вскоре после своей отставки Г. Юзевский подготовил докладную записку *Относительно основных направлений польской государственной политики на Волыни*, в которой бывший воевода изложил свое видение развития ситуаций на территории воеводства на ближайшую перспективу⁶⁵. Большую озабоченность воеводы вызвал сам факт вмешательства военных в вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений на Волыни. Г. Юзевский указывал на недопустимость втягивания военных в политическую борьбу, так как это подрывало авторитет государственной власти в глазах граждан и вносило анархию в общество. По мнению воеводы, политика укрепления польского присутствия на Волыни в скором будущем могла обернуться непредсказуемыми для государства последствиями. Террор по отношению к православному населению, тенденция к полной полонизации украинского образования, увольнения украинской интеллигенции со своих должностей – все эти начинания новой воеводской администрации на Волыни, по мнению Г. Юзевского, вскоре приведут к *крайне нежелательным и опасным для поляков изменениям в политических отношениях на восточных землях Польши*⁶⁶.

*Для чего, – риторически спрашивал бывший воевода, – Польша демонстрирует перед всем миром так, хорошо известную в нашей истории нетолерантность по отношению к украинцам? Для чего, собственно теперь на наших кресах воспылал пожар ненависти?*⁶⁷

По мнению Г. Юзевского, этот путь вел в никуда, ведь ненависть ко всему украинскому, вызывала со стороны

⁶⁵ Memoriał H. Józewskiego w sprawie kierunku polskiej polityki państwowej na Wołyniu. 1938 r. – BUW, DR, № акс.1549, s. 1–30.

⁶⁶ Memoriał H. Józewskiego w sprawie..., s. 18–19.

⁶⁷ Ibidem, s. 21–22.

украинцев ненависть ко всему польскому.

По инициативе нового волынского воеводы А. Гауке-Новака была разработана и в феврале в 1939 г. утверждена министерством внутренних дел Польши *Программа государственной политики Польши на Волыни*⁶⁸. Главной целью нового курса, воевода определил ускорение процесса полонизации воеводства⁶⁹. Сама программа состояла из нескольких разделов. Первый из них был посвящен проблеме межконфессиональных отношений. В документе шла речь о том, что далеко не все православное население Волыни – это украинцы:

*Нельзя отождествлять православных с русинской [украинской – Ю.К.] нацией. Борьбу за души малосознательного православного населения должна поднять польская общественность, и эта борьба в интересах государства должна закончиться победой*⁷⁰.

В разделе, посвященном использованию терминов *русинь-украинцы*, указывалось:

*Прогрессирующие национальные процессы в украинском обществе привели к тому, что термины «украинец» и «украинский» стали символами враждебного Польше направления и сепаратистского движения, ставящего своей целью возрождение Украины на землях, входящих в состав Польского государства*⁷¹.

Далее подчеркивалось, что термины *украинец* и *украинский* следует употреблять лишь по отношению к тем лицам, которые осознают себя украинцами. В остальных случаях вместо этих определений предлагалось использовать термины *русин*,

⁶⁸ ГАВО, ф. 46, оп. 9, д. 4671.

⁶⁹ ГАВО, ф. 46, оп. 9, д. 4634, л. 9.

⁷⁰ ГАВО, ф. 46, оп. 9, д. 4671, л. 1.

⁷¹ ГАВО, ф. 46, оп. 9, д. 4671, л. 5.

русский, а также такие нейтральные названия, которые бы ничего общего с национальностью не имели, как, например, *православный, волыняк, тутейший*. По мнению авторов *Программы*, ее постепенная реализация будет способствовать полной ассимиляции украинцев.

Программа укрепления польского присутствия на Волыни, к реализации которой приступила новая администрация во главе с воеводой А. Гауке-Новаком, стала логическим завершением эволюции взглядов пилсудчиков на украинскую проблему: от нереализированной концепции государственной ассимиляции к инкорпоративному плану национал-демократов. Появление этой программы свидетельствовало об отказе польского правительства от либеральной политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Таким образом, на формирование государственно-церковной политики Второй Речи Посполитой в межвоенный период оказывали влияние различные факторы, главными из которых были: борьба политических сил внутри государства, а также рост национально-церковного движения, особенно на восточных землях. В период 1918–1926 гг. государственная политика Польши была направлена на национальную и конфессиональную ассимиляцию православных украинцев, их тесную интеграцию с польской нацией и римско-католической церковью. На этом этапе власть поддерживала немногочисленные, однако влиятельные пророссийские силы в обмен на провозглашение Польской православной церковью независимости от Московского патриархата.

Сохранение *российского характера* Православной церкви активизировало украинско-национально-церковное движение на Волыни, заявившее о своей оппозиции как по отношению к церковной власти, так и по отношению к государству. Модель, которую пытались реализовать украинские общественные и церковные деятели заключалась в том, что церковь должна быть по своему характеру национальной (украинской),

независимой от государства.

Предлагаемый пилсудчиками курс политики в украинском вопросе делал поворот в сторону государственной ассимиляции. Эта программа предусматривала, среди прочего, более толерантную конфессиональную политику. Ее реализация, по мнению идеологов *санации*, дала бы возможность тесно привязать украинцев к платформе польской государственности.

В 1926–1935 гг. украинизация Православной церкви на Волыни проходила наиболее успешно. Она сопровождалась: активизацией движения за соборное устройство Православной церкви, расширением участия прихожан в церковно-религиозной жизни региона; возобновлением деятельности епископской кафедры в Луцке с правящим волынским архиереем; активизацией деятельности украинских церковно-общественных институций; расширением сферы употребления украинского языка в церковной жизни. Заметим, что процессы украинизации Православной церкви на Волыни активно поддерживались воеводской администрацией во главе с Г. Юзевским. Православную церковь он считал одним из инструментов ассимиляционной политики польского правительства.

Период 1935–1939 гг. характеризовался постепенным отходом от либеральных проектов решения украинского вопроса и усилением тенденций национальной ассимиляции украинцев. В конце межвоенного двадцатилетия государственно-церковная политика была направлена на постепенную полонизацию Православной церкви в Польше.

Państwo polskie wobec Cerkwi prawosławnej na Wołyniu w latach 1921–1939

(Streszczenie)

Rozdział opisuje politykę państwowo-kościelną Polski na Wołyniu w latach 1920–1930. Ustalono, że koncepcja polskiej polityki państwowej w stosunku do Kościoła prawosławnego kształtowała się w ciągu całego dwudziestolecia międzywojennego i przeszła trzy główne etapy. W okresie rządzenia narodowej demokracji (do 1926 r.) polityka władz państwowych wobec Ukraińców wyznania prawosławnego była skierowana na ich narodową i konfesyjną asymilację. Taka polityka na Wołyniu spotkała opór i aktywizowała ukraiński ruch narodowościowo-kościelny. Ruch ten trwał w opozycji zarówno wobec władz kościelnych, które zostawały na pozycjach promoskiewskich, jak i w odniesieniu do państwa, które pragnęło przekształcić cerkiew w instrument swojej polityki integracyjnej na ziemiach wschodnich. Ustalono, że największych sukcesów ukrajinizacja Kościoła prawosławnego na Wołyniu osiągnęła w latach 1926–1935 – w okresie, kiedy polityka narodowościowa Polski opierała się na zasadach asymilacji państwowej. Próby realizacji regionalnej koncepcji polityki narodowościowo-konfesyjnej sanacji przedstawiono na przykładzie działalności wojewody wołyńskiego Henryka Józewskiego. Okres lat 1935–1939 charakteryzował się stopniowym odejściem od projektów liberalnych rozwiązania zagadnienia ukraińskiego i wzmocnieniem tendencji asymilacji narodowej Ukraińców. Polityka państwowo-kościelna tego okresu była skierowana na stopniowe polonizowanie Kościoła prawosławnego w Polsce i jego podporządkowanie polskiej racji stanu.

Polish state attitude to Orthodox Church in Volhynia in the period from 1921 to 1939

(Summary)

The chapter sheds some light on the state-church policy of Poland in Volhynia during the years 1920–1930. It is concluded

that the conception of the Polish state policy towards the Orthodox Church was being developed during the entire interwar period. Its development consisted of three main stages. During the rule of National Democrats (until 1926), the state policy as to the Orthodox believers aimed at their national and religious assimilation. It is showed that this policy met resistance in Volhynia and intensified the Ukrainian national church movement. This movement was in opposition to the Church authorities, keeping their pro-Muscovite stance, as well as to the state authorities trying to turn the Church into an instrument of their integration policy in the Eastern territories. It is pointed out that the ukrainization of the Orthodox Church in Volhynia was most successful in the period from 1926 to 1935, when the national policy of Poland was based on the principles of state assimilation. The attempts to implement the conception of regional ethnic and religious Sanation policy were illustrated on the example of the voivode Henryk Józewski. Finally, from 1935 to 1939, the liberal ways of resolving the Ukrainian problem were gradually abandoned, while the tendency of the national assimilation of the Ukrainians was becoming more pronounced. The state-church policy of this period aimed at the gradual polonization of the Orthodox Church in Poland and its subordination to the interests of the state.

Bibliografia

Źródła archiwalne

Archiwum Akt Nowych w Warszawie

Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego

Komitet do spraw Szlachty Zagrodowej na Wschodzie Polski

Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego

Dział Rękopisów

Центральный государственный исторический архив во Львове

ф. 344

Государственный архив Волынской области

ф. 1, 46, 60

Dzienniki urzędowe

„Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej” 1921.

Prasa

„Воскресное чтение” 1927.

„Українська Нива” 1933.

Literatura

Bartoszewicz J., *Znaczenie polityczne kresów wschodnich dla Polski*, Warszawa 1924.

Борщевич В., *Українське церковне відродження на Волині (20–40-ві рр. ХХ ст.)*, Луцьк 2000.

Józewski H., *Opowieść o istnieniu*, t. II, cz. 4: „Wołyń”.

Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, Lwów-Warszawa 1927.

Кучерена М., *Український православний церковний з'їзд у Луцьку (1927 р.)*, „Минуле і сучасне Волині та Полісся. Луцька міська громада: історія, традиції, люди: наук. Збірник”, Вип. 26, Луцьк 2007.

Kulesza W., *Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926–1935*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1985.

Monografia stosunków wyznaniowych w województwie Wołyńskim, Łuck 1936, s. 51.

Papierzyńska-Turek M., *Miedzy tradycją a rzeczywistością: państwo wobec prawosławia: 1918–1939*, Warszawa 1989.

Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Wołyńskie, t. XXIII, Warszawa 1926.

Правовое положение Святой Автокефальной Православной Церкви в Польше. Доклад I-му Поместному Собору Православной Церкви в Польше, Варшава 1931.

Річинський А., *Сучасний стан церковно-релігійного життя української людності в Польщі. Доклад виголошений на українському православно-церковному з'їзді в Луцьку 5–6 червня 1927 р.*, Луцьк 1927.

Stawecki P., *Następcy Komendanta. Wojsko a polityka wewnętrzna Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935–1939*, Warszawa 1969.

Стоколос Н. Г., *Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців*, „Український історичний журнал” 2005, № 5.

Власовський І., *Нарис історії Української Православної Церкви*. Т. 4 ХХ ст. Ч. 2.: репринтне видання 1966 р., Київ 1998.